

Законы экономии в искусстве по И.А. Ильину

«... соблюдение закона предметной экономии приучает творящую душу к вынашиванию предмета и к созерцанию его; и в то же время оно заставляет автора сосредоточенно требовать от себя верности предмету, а от своих образов и выражений - необходимости и точности. В этом и состоит школа предметной экономии в искусстве. Обратимся теперь ко второму закону экономии - к домоводству немощного внимания. Искусство всегда творится для других. У самых гордых, замкнутых, самодовольных художников в сердце таится мечта о том, что их «услышат», и «оценят», и «отзовутся». И они правы в этом. Ибо самая сущность искусства состоит в том, что один человек создает для других людей некую художественную медитацию, раскрывающую им природу Бога, мира и людей, дающую им мудрость и блаженство, духовную силу и победу. Поэтому искусство требует живой духовной встречи людей, в которой один даёт, а другой берёт. И если эта встреча не составляется, или составляется, но неудачно, то искусство не совершает своего назначения: читатель не воспринял, не понял, внял неверно, исказил в своей душе или холодно отвернулся. Писатель остаётся непонятым и одиноким; читатель - не затронутым и не отозвавшимся. Предложенное художником создание как бы остаётся витать в воздухе, взывая к другим людям, а может быть, и к новым поколениям; до тех пор, ...пока тело созданного произведения не погибнет от огня, от тления или от исчезновения всей национальной культуры. И вот искусство составляется в полном смысле этого слова только тогда, когда внимание читателя (или зрителя, слушателя) принимает в себя и воссоздает, вылепливает у себя в душе создание автора. «Внимание» означает «внутри имание», взятие внутрь, принятие в душу; от этого художественное произведение и получает впервые свою полноту бытия, ибо ему необходимо быть не только созданным, но и воспринятым. Слушая сонату, оперу, поэму, погружаясь в созерцание танца, картины, скульптуры, храма и т. д., человек даёт художественному произведению полноту бытия. И это настолько существенно, что поэт часто предпочитает резкую критику действительного читателя пустозвонной славе, сопряжённой с забвением... Внимание есть драгоценнейшая способность и готовность сосредоточенно раскрыться душой и принять дар художника. Есть ли для автора что-нибудь более обидное, возмутительное, нестерпимое, чем невнимательная публика, снобирующая на выставке картины, болтающая во время симфонии, «перелистывающая» поэму, просматривающая газету в театре, приезжающая на концерт пианиста к шапочному разбору? Невнимательная публика лишает художественное общение всякого смысла. Она творит пошлость; а пошлость есть смерть искусства. Есть артисты, которые умеют заставить публику сосредоточиться; это люди - духовной силы и власти; это - художники-повелители. В музейной зале такого живописца всегда благоговейная тишина; во время его монолога на сцене всё застывает в неподвижности; в его концерте только чуткое ухо уловит в зале шелест восторга и ужаса; во время его танца все приковано и поглощено. Он властвует над вниманием, и оно ему повинует. Он властвует и над его интенсивностью, и над его длительностью, и над его глубиной. Он как будто побеждает общий психологический закон человеческого внимания, согласно которому оно, вообще говоря, сосредоточивается с трудом, редко, ненадолго и поверхностно. Он заставляет душу совершать такие усилия, разверзать в себе такие просторы, лететь за собою так долго и напряженно, что человек сам не верит потом совершившемуся. [...] Не так ли слушаем и созерцаем мы великих артистов сцены и эстрады? Не так ли читаются чудеснейшие художественные создания мировой поэзии и литературы, требуя и получая от нас такую полноту внимания, к которой мы доселе не считали себя способными? Откуда эта власть над нашим немощным вниманием, откуда это неожиданное для нас самих повиновение? От соблюдения артистом закона двойной экономии: экономии предметной и экономии внимания. Первая даёт артисту особую, предметную власть: уверенность в своем создании, в его необходимости, художественной обоснованности, непререкаемой силе.

Это не само-мнение, а предмето-уверенность; это не «внушающая» сила «человеческого» «темперамента», а нечто несравненно большее, чем «внушение», чем «темперамент» и «человек». Внушение обращается к элементарным низам души; а здесь - подъём и полёт. Темперамент есть интенсивность неодухотворённой страсти; а здесь - вдохновение, власть духа. Носителем её выступает человек; но разряды и свершения эти - более чем человеческие... Вот почему читатель и зритель чувствует себя захваченным некоторой высшей, убедительно-победительной необходимостью, которая требует его внимания целиком и овладевает им. В его душу вступают художественные образы с насыщенным лаконизмом: их можно уподобить или когорте латников; или гармонии светил; или прекрасному организму, завершённому в своей красоте и целесообразности; или той «песне», из которой «ни одного слова не выкинешь». Художественной экономии присуща особая сосредоточенность, власть и убедительность. На них душа отзывается разверзанием всего своего внимания, даже до «сверх сил». И замечательно, что эта победа дается артисту тем легче и тем глубже, чем более он соблюдает второй закон экономии - экономии внимания. В. О. Ключевский отметил однажды, что «внимание студента» есть «птица» непостоянная, беспокойная и непоседливая; поймать её нелегко, а удержать - ещё труднее. И артист должен помнить, что это относится ко всем зрителям, читателям и слушателям. Внимание их сосредоточивается с трудом, ненадолго и поверхностно. Не следует на него полагаться: нельзя его растрчивать; необходимо его экономить. Оно кое-как доносится до искусства: ведь «другие дела» будут «поважнее» искусства!.. Оно собирается наспех, кое-как, неумело. Слушатель-зритель-читатель отнюдь не летит навстречу
художнику... [...]

Художник должен понять, что душа читателя-слушателя-зрителя идёт ему навстречу вяло, неумело и лениво; с совершенно неприличным (в художественном отношении) словечком на устах: «Некогда!» Субъективная ёмкость внимания ограничена и в глубину, и по длительности. Большинство зрителей не умеет смотреть (созерцать!); большинство слушателей не умеет слушать (внимать!); большинство читателей не умеет читать (лепить верные образы!). Хотят развлечения; ищут удовольствия; жаждут не «запречься» и «везти», а «распречься» и «повалиться», как усталые и ленивые кони... Словом, воспринимающий даёт себя плохо и неумело; давая, даёт себя мелко и на коротко. Артист же есть не только пророк Предмета, но ещё и педагог своего слушателя. «Некогда!» Это значит: не тяни, не откладывай; не проматывай читательского внимания; не пустословь ни в звуках, ни в линиях, ни в жестах танца, ни в архитектурных «пристройках» и «надстройках», ни в «эпизодических» действующих лицах, ни в интермедиях и в интерлюдиях, ни в образах, ни в словах. Ибо «некогда!» Говори только самое нужное и важное; отбирай минимум; конденсируй! «Поезд стоит всего одну минуту». В эту минуту ты должен завладеть вниманием и сердцем читателя. Не сумеешь, разочаруешь, не успеешь - плохо твое дело!.. Но если сумеешь... сумеешь не ослепить читателя дешёвым эффектом фраз, или окриком, или своего рода «психологическим щекотанием», или драматической «завязкой», или заинтриговывающими предчувствиями (на которые был таким великим мастером Лесков); или вызвать каким-нибудь иным эффектным литературным «трюком» краткое пробуждение любопытства, этого нездорового эстетического аппетита; нет, если сумеешь воззвать в недра души читателя, столь властным заклятием, чтобы оттуда отозвался гётевский «дух земли» - «Wer ruft mir?» - «Кто воззвал ко мне?» - тогда ты победитель... Тогда объём и длительность читательского внимания в твоей власти. Поэтому художник должен блюсти прежде всего предметную экономию и через неё заручиться призванностью и властью. И затем блюсти экономию читательского внимания (что так редко удавалось Тургеневу, иногда совершенно не удавалось Лескову и почти всегда удаётся Шмелёву), чтобы прежде всего не разочаровывать его и не растрчивать его силу. Самое важное здесь - это вызвать доверие и, по возможности, безусловное доверие этого внимания: чтобы читатель почуял,

что он не получает ничего лишнего, что всё, идущее к нему от автора, - важно, художественно обосновано и необходимо; что надо слушать и слушаться; и что это художественное «повиновение» всегда вознаграждается. По мере того как это доверие будет упрочиваться, ёмкость художественного внимания будет увеличиваться в объёме и во времени. Большие артисты и писатели достигают этого сразу; иногда они приковывают читателя или слушателя почти мгновенно. Небольшие артисты достигают этого лишь постепенно; и они достигают этого тем быстрее и прочнее, чем больше они блюдут указанные нами обе «экономии». Ограниченная ёмкость читательского внимания есть нечто такое, с чем все писатели, композиторы и артисты вынуждены и обязаны считаться. И когда они с нею действительно считаются - хотя бы в порядке «снисхождения», - то в их душах возникает целая школа художественности: экономия педагога вызывает к жизни творческую экономию; художник, теснимый этим домоводством, сосредоточивается, уходит вглубь и начинает искать той высшей, истинно художественной необходимости, без которой нет и не было великого искусства на земле». Ильин И.А., Основы художества. О совершенном в искусстве / Собрание сочинений в 10-ти томах, Том 6, Книга 1, М., «Русская Книга», 1993-1999 гг., с. 169-174.

Источник: <http://vikent.ru/enc/3492/>